

Историческая наука и петербургский историк Фроянов. Часть 1

А. Ю. Дворниченко

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Историческая наука и петербургский историк Фроянов. Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 327–347. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.201>

Статья посвящена анализу творчества выдающегося российского историка Игоря Яковлевича Фроянова, вся творческая жизнь которого связана с Ленинградским (Петербургским) университетом. Фроянов является блестящим представителем петербургской исторической школы, и его наследие вплетается в историю российской науки да в саму русскую историю. Это прежде всего специалист в области Киевской Руси. Созданная им многотомная и многогранная картина древнерусской цивилизации уникальна и является величайшим достижением в этой области. Его концепция, в высшей степени системная, дающая возможность обозреть все сферы древнерусской экономической, социальной и политической жизни, а также социальной борьбы, выросла в противостоянии с господствовавшими в советской историографии воззрениями, став творческим развитием лучших традиций русской исторической науки до 1917 г. В поздний период своего творчества Фроянов продолжал оттачивать свою концепцию, опубликовав, например, фундаментальные «Лекции». Одновременно он написал ряд интереснейших трудов по истории Московской Руси XIV–XVI вв., которые в совокупности также представляют оригинальную и отличную от других концепцию этой эпохи российской истории. Последний фундаментальный труд ученого на эту тему вышел в свет накануне его смерти. Со временем Игорь Яковлевич увлекся историей XX в., творчество его стало более политизированным и публицистичным. Однако и эти его работы представляют несомненный интерес: его Киевская Русь, пройдя через горнило монгольского ига и эпоху Московской Руси, словно перетекает в современную нам православно-русскую цивилизацию, великим патриотом которой был историк.

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, Киевская Русь, общинно-вечевая древнерусская цивилизация, Московская Русь, «Красный Октябрь», «погружение в бездну».

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

For citation: Dvornichenko A. Yu. Historical Science and Petersburg Historian Froianov. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 327–347.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.201> (In Russian)

This article is devoted to the scholarly work of the prominent Russian historian Igor Yakovlevich Froianov who died last December. He is a brilliant representative of the Petersburg Historical School, and first and foremost — a well-known specialist in the history of so called Kievan Rus. He created a complex concept of the “obcshinno-vechevaia” civilization of Old Rus. His concept is ultimately comprehensive because he studied in consecutive order practically all sides of such a phenomenon as Kievan Rus: economy, political life, social struggle, culture. His concept emerged in confrontation with the prevalent Soviet vision of this history, and at the same time from the very beginning it became a creative continuation and development of pre-revolution historiography. He also devoted several interesting and important works to the period of Moscow Rus, particularly to the process of formation of the Russian monarchy. These works made an excellent foundation for the new original view of this epoch of the Russian history, different from other concepts. Froianov’s legacy is divided into two parts: before and after the middle of the 1990s when so called “perestroika” took place in the USSR. On the one hand, he continued to study the old time. On the other hand, a number of his later works are devoted to the history of Russian revolution (1917) and to the above-mentioned “perestroika”. These works are closely connected with a publicistic genre which captivated him in those years. However, it is to a certain extent a continuation of his previous interests as these works are dedicated to the same Russian-Orthodox Civilization.

Keywords: I. Ia. Froianov, Kievan Russia, “obcshinno-vechevaia” civilization of Old Rus, Moscow Rus, “Red October”, “submersion in the abyss”.

В декабре прошлого года умер Игорь Яковлевич Фроянов. Завершился земной путь человека неординарного, с ярко выраженной харизмой, даровитого ученого и прирожденного борца. Черта под этой бурной, наполненной открытиями, боями и страстями жизнью позволяет начать и некий анализ результатов его исследований, толкает к тому, чтобы задуматься о месте творчества ученого в отечественной исторической науке. Впрочем, изучением его творчества занимались уже при жизни, да и будут еще долго заниматься¹. А задача эта не очень простая. Сложны сами историографические источники. Дело в том, что в определенный момент своей научной карьеры ученый увлекся исторической публицистикой. Этот жанр отличается даже от научно-популярной литературы, которая может быть бо-

¹ Алексеев Ю. Г., Воробьев В. М., Дворниченко А. Ю., Дегтярев А. Я., Панченко А. М. Игорь Яковлевич Фроянов. Страницы жизни и творчества русского ученого // Средневековая и Новая Россия. СПб., 1996. С. 5–26; Алексеев Ю. Г., Пузанов В. В. Проблемы истории Средневековой Руси в трудах И. Я. Фроянова // Исследования по русской истории и культуре. М., 2006. С. 3–23; Пузанов В. В. Феномен И. Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М., 2007. С. 5–36; Солдатов В. Н. Историческая концепция И. Я. Фроянова — проблема определения и характеристики структурных элементов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 81–90; Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб., 2017; Брачев В. С. Русский историк И. Я. Фроянов. Жизнь и творчество. СПб., 2016; и др.

лее яркой и концептуальной, чем сугубо научная. Достаточно вспомнить «Московское царство» А. Е. Преснякова, в котором дается полнокровная картина русской средневековой истории. Публицистика же — продукт творчества, гораздо более сложный для изучения, поскольку многое в ней дается гиперболизированно и не укладывается исключительно в научный жанр.

Есть и другая трудность. При всей константности российского государственно-крепостнического строя страна менялась, а вместе с ней менялись и его взгляды. Но метаморфозы переживал не только объект изучения, но и субъекты. Я вот, например, изучаю творчество Фроянова столько, сколько был с ним знаком, а это срок длиною в 45 лет. За это время возникло и свое представление о ходе российской истории. Многое в воззрениях Фроянова мне и теперь кажется убедительным, а что-то нет, но в одном я по-прежнему уверен: творчество его — поистине феномен, который при этом вполне органически вписывается в причудливую канву уникальной русской истории, вписывается в удивительную картину российской науки да и всей нашей жизни.

Если за точку отсчета взять 1974 г., когда в знаменитой 70-й аудитории исторического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова Игорь Яковлевич с блеском защитил докторскую диссертацию, то окажется, что с начала советского периода прошло 57 лет, а до никому тогда еще неведомого его конца оставалось всего 17. Проходя через все эти оттепели, волюнтаризмы, брежневизмы и прочие изыски «недоразвитого социализма», историческая наука постепенно коснела в рамках навязанных ей теоретических парадигм. В самой этой теории ничего криминального не было: возвращенная на удобренной веками западноевропейской интеллектуальной почве, она вполне могла бы выполнить свою миссию. Кто же, в конце концов, решится отрицать, что в многовековой человеческой истории всегда были (да и остаются) бедные и богатые и что бедные всегда норовят урвать кусок у богатых? Ну, и прочее, что было в этих самых марксизме с ленинизмом...

Беда в том, что все эти постулаты по вековечному российскому обычаю были доведены до абсолюта, сиречь идиотии, и уже со школьной скамьи формировались архетипы нашего сознания — «общественно-экономические формации», «базис» и «надстройка», «классы», «классовая борьба» и прочие научные атрибуты, эдакий научный инструментарий, который был якобы совершенно необходим в познании истории. Эту методологическую похлебку сварили еще «сталинские повара», а вычерпать ее мы не можем и по сей день.

Были, правда, и свои плюсы. Никогда раньше так называемая Киевская Русь, то есть начальный период восточнославянской истории (IX — начало XIII в.)², не привлекала такого внимания. В старой историографии, как подметил в 1909 г. А. Е. Пресняков, эта Русь «...продолжала жить научной жизнью почти исключительно в общих курсах русской ли истории или истории русского права»³. Кстати, именно этой культовой фигуре нашей петербургской исторической школы принадлежит главная заслуга в выделении истории Киевской Руси в отдельный предмет

² См. подробнее: *Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. Вып. 4. С. 5–16; Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. М., 2018. С. 186–208.*

³ *Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 37.*

исторического изучения. Причем, взгляды Преснякова были свободны от того, что так мешает историческим исследованиям, — от национализма, свойственного другому выдающемуся историку начала XX в. М. С. Грушевскому. Глубокий научный интерес к Киевской Руси, сформировавшийся перед смутой начала XX в., понесет в чужие страны историк-эмигрант, который удивительным образом объединил московскую и петербургскую школы — Г. В. Вернадский⁴.

В советской же исторической науке, которую то изгоняли, то возвращали на сталинских условиях⁵, начальная история приобрела особое политико-методологическое значение: для того чтобы набросить на всю историю России сеть общественно-экономических формаций, надо было в первую очередь понять, что представляет собой Киевская Русь. В ходе замиравших дискуссий и уже после них с Киевской Русью «разобрался» Б. Д. Греков, чья жизнь странным образом переплеталась с судьбой Вернадского, до отъезда того из России. Стараниями Грекова и других советских историков Киевская Русь открыла собой длиннейшую *феодальную формацию*, которая продолжалась вплоть до буржуазных реформ 1860-х гг.

Еще одним порождением научных фантазий той эпохи стало некое централизованное (единое) государство Киевская Русь IX — начала XI в., ставшее своего рода эманацией в древность сталинского «союза нерушимых республик свободных» и развитием идей М. С. Грушевского, уже к тому времени проклятого советской властью. В дальнейшем своем бытии это государство в том же воображении советских историков подверглось феодальной раздробленности. Что это такое, объяснить толком не мог уже никто — совершенно бессмысленный термин и понятие, за ним стоящее, которое, как это ни странно, до сих пор употребляется некоторыми горе-историками. По сути дела, Греков произвел некую операцию с концепцией Н. П. Павлова-Сильванского, просто взяв и «состарив» на несколько веков феодализм, о котором петербургский историк писал применительно к XIII–XV вв. Причем, как известно, феодализм Греков мыслил как рост крупного частного землевладения — вотчины.

К 1960-м гг. идеи Грекова и сопутствующие им постулаты вошли не только в учебники, но и в культуру, общественное сознание, буквально в плоть и кровь всех, кто интересовался российской историей. К дружному хору историков примкнуло сообщество археологов, которые, обнаружив золотое украшение в раскопках городища, тут же силой воображения поселяли в нем феодала, а в окрестностях наблюдали мириады феодально-зависимых крестьян. За историками и археологами следовали искусствоведы, филологи и прочие специалисты.

Вот с такой научной мистификацией, приобретшей размеры библейского Голиафа, предстояло сразиться Фроянову. Знал ли он с самого начала, что ему предстоит выступить в роли Давида? Вряд ли, но исследовательская его страда изначально была удивительно системна и последовательна; настолько, что это, пожалуй, не имеет аналогов в научной просопографии. Как он мог создать такую системность, как мог предвидеть, что будут открываться все новые и новые горизонты его

⁴ См. о нем: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

⁵ Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.

исторического познания? Впрочем, феномен этого ученого как раз и заключается в необычайной научной интуиции, а также глубоком проникновении в материал.

Начиналось все со студенческого реферата о некоторых категориях зависимости люда Киевской Руси. Реферат лег в основу кандидатской диссертации, которая полностью была опубликована через сорок четыре года после защиты⁶. Как точно подметил В. В. Пузанов, уже в этой первой работе, которую можно считать «пропуском» в науку, проявились лучшие качества Фроянова-исследователя⁷. Сейчас же важно отметить два качества: увлеченность его историографией и антифеодалную направленность выводов.

Правда, историография — вещь по-своему коварная — всех авторов учесть довольно трудно. Я не нашел у Фроянова упоминания Н. И. Костомарова и вспомнил грустный рассказ Игоря Яковлевича о том, что в аспирантские годы ему просто не хватило денег, чтобы у букиниста купить собрание монографий адепта федеративной теории. Так всю жизнь об этом и помнил. Нет и работ Вернадского, что обидно, поскольку выводы у двух историков часто оказывались близки. Но где тогда было достать работы «историка-белогвардейца»? Тем более что по английскому языку у начинающего ученого было только «удовлетворительно». И тут сразу надо сказать, что сходство наблюдений двух выдающихся историков, творивших свои труды в значительном временном и огромном пространственном удалении, ни в коей мере не влияет на оценку степени их самостоятельности.

Это свидетельство того, что оба они волею судеб стали органическими преемниками русской дореволюционной исторической науки. Если для Вернадского это было естественным продолжением его обучения и научной жизни до эмиграции, то заслуга Фроянова состоит в том, что он нашел в себе силы прильнуть к неиссякаемому источнику — дореволюционной науке, пробираясь сквозь тернии внутренней и внешней цензуры советского времени. Конечно, и сама советская историческая наука не могла не обращаться к наследию своих предшественников, но делалось это без афиширования интереса, который скрывали за длинными филиппиками в адрес «дореволюционеров».

Итак, все дальнейшее творчество Фроянова буквально пронизано историографией, с которой он работал новаторски и плодотворно⁸. И это прямое продолжение традиций, которые в петербургской исторической школе обозначились со времен К. Н. Бестужева-Рюмина с его «Русской историей». К работам Игоря Яковлевича вполне можно отнести слова В. О. Ключевского, сказанные по поводу книги отца-основателя петербургской школы: это не только история, «но и история работы русской исторической мысли над русской историей»⁹.

Уже в первых сочинениях историка заметна еще одна яркая черта, относящаяся к разряду сугубо индивидуальных: яркий стиль, хороший литературный, но, когда надо, весьма хлесткий язык с запоминающимися оборотами и элементами иронии. Не исключено, что порой он перегибал палку, но такой стиль был ему необходим,

⁶ Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.

⁷ Пузанов В. В. Начало большого пути // Там же. С. 311–314.

⁸ См.: Пузанов В. В., Халявин Н. В. «Радоваться успеху другого, радоваться радостью другого...» — особенности историографических изысканий И. Я. Фроянова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26, вып. 4. С. 8–22.

⁹ Ключевский В. О. К. Н. Бестужев-Рюмин // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 369.

чтобы показать всю степень самостоятельности и новизны его утверждений, а может, и спровоцировать на дискуссию. Со ссылкой на своего учителя В. А. Романовского он говорил, что «каждый вопрос надо *заострять*»¹⁰.

Диссертация была сильным ударом по «феодалистам». В ней было показано, что челядь находилась не в феодальной, а в рабской зависимости. Избавил диссертант от феодальной зависимости и смердов, связав их с более древними данниками. Дань — это контрибуция, плата за мир. Этот вывод, видимо, имел особое значение. Дело в том, что в советском «феодальном истеблишменте» наметились некие новые импульсы, исходившие от Л. В. Черепнина. Желая «сделать апгрейт» теории Грекова, выражаясь современным языком, академик новых времен возродил давнюю концепцию Б. Н. Чичерина и А. Б. Лакиера о верховной собственности на землю, перенеся ее из московского периода в киевский и назвав феодальной¹¹. Главным инструментом для такого насилия над историей была дань, которая трактовалась как феодальная рента, которую власть собирала с подданных.

Борьба с феодальной верховной собственностью стала одной из тем докторской диссертации, защищенной в 1973 г. Поскольку я поступил в университет в 1975 г., на защите я не был, но небольшую книжку, изданную по докторской Фроянова¹², зачитал до дыр. Полностью же диссертация была издана через много лет¹³. Работа теоретически никак не выбивалась из принятого марксистско-ленинского стереотипа — это было исследование базисных социально-экономических явлений. Новым было то, что историк не находил в Киевской Руси феодальных отношений, а все наблюдавшиеся там отношения были буквально перегружены глубокой архаикой — брак, семья, род, племя¹⁴, община¹⁵ и пр. Крупное феодальное землевладение было не развито; князь и боярство существовали за счет даней, получаемых от подвластных племен и кормлений со стороны единоплеменников. Немногочисленные вотчины, подобные островкам в море общинного землевладения, были населены теми самыми рабами, полузависимыми и полусвободными, о которых шла речь в кандидатской диссертации, но раздел о них был углублен и расширен. Это было настолько увлекательно, что я, видимо, один из первых ярых поклонников творчества Фроянова, свою первую, еще студенческую, статью посвятил одной из категорий зависимого люда.

Как раз этот антифеодальный запал диссертации больше всего и не понравился главному оппоненту — тому самому Л. В. Черепнину. Его отзыв, вернее даже

¹⁰ Пузанов В. В., Халявин Н. В. «Радоваться успеху другого, радоваться радостью другого...». С. 13.

¹¹ Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995. С. 7–70.

¹² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

¹³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

¹⁴ С этой ранней работы И. Я. Фроянова идет изучение данной сложной проблемы, которая и сейчас горячо обсуждается в исторической литературе. См.: Дворниченко А. Ю. Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 152–160.

¹⁵ Кстати, Фроянов стал одним из крупных экспертов в области истории и теории общины, о чем свидетельствует его участие в своего рода «общинном семинаре» в известном советском журнале. См.: Бутинов И. А., Кудрявцев М. К., Ревуненкова Е. В., Фроянов И. Я. Общинная организация народов Азии и Африки // *Народы Азии и Африки*. 1977. № 5. С. 111–127.

не сам отзыв, а статья, написанная по материалам отзыва¹⁶, стала роковой — диссертация на долгих шесть лет зависла в ВАКе. И это при том, что организованной атаки или всеобщего возмущения первая книга не вызвала. Более того, с нележкой руки оппонента возникла даже некая интрига — Фроянов должен был объяснить читателям свое понимание процесса образования Киевского государства как государства классового, поскольку классов и развитого крупного частного землевладения он в нем не видел¹⁷.

Ответом стала одна из самых изящных книг Фроянова, посвященная развитию социально-политических отношений в Киевской Руси, то есть надстроечных явлений, если следовать марксистской терминологии¹⁸. Историк разворачивал свою систему постижения древнерусской истории, как и прежде, ни на йоту не отступая от марксизма-ленинизма. Системной была и сама книга: каскад очерков, каждый из которых логически вытекал один из другого, давал яркое изображение социально-политического устройства Киевской Руси. Перед замороженным читателем, как в некоей картинной галерее, проходят образы древнерусских князей, дружины, массы свободного населения — «людьа». Уже не забудешь никогда ни буйного древнерусского веча, ни главной военной силы Руси — «воев», ни древнерусского города, который рождался и жил отнюдь не по господствовавшим канонам советской исторической науки. И главное, ученый сполна смог реализовать «пожелания», к сожалению, уже ушедшего к тому времени из жизни Черепнина: явил миру то самое древнерусское государство!

И это был город-государство с системой соподчиненных территориальных общин¹⁹, которая в начале XI в. пришла на смену «суперсоюзу» восточнославянских племен и, сама по себе развиваясь, явилась основой политического устройства древнерусских земель. На смену всей этой фикции в виде «государства Киевская Русь» и «феодальной раздробленности» пришли реалии, которые гораздо более адекватно отражают ситуацию в те далекие времена. Тем более что этот институт — город-государство — Фроянов не придумал. Это было крайне удачное возрождение на новом уровне развития исторического знания давней, так называемой земско-областнической теории, которая была альфой и омегой старой русской историографии²⁰. Русские историки увезли с собой эти идеи в эмиграцию, «заразив» впоследствии ими и американскую, и немецкую науку²¹.

В конечном итоге академическому миру явилась уже целостная концепция истории Киевской Руси. На Западе весьма положительно оценили новую концепцию Киевской Руси. Так, известный американский русист Даниэль Кайзер в своей рецензии отметил отличие подхода Фроянова к древнерусской истории от гре-

¹⁶ Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 15–22.

¹⁷ Черепнин Л. В. Отзыв на докторскую диссертацию И. Я. Фроянова // Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя... С. 34.

¹⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

¹⁹ Важно подчеркнуть, что город в Киевской Руси и был общиной. См.: Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.

²⁰ Дворниченко А. Ю.: 1) Зеркала и химеры...; 2) И. Я. Фроянов — исследователь Киевской Руси // Русские древности: к 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 5–22.

²¹ Дворниченко А. Ю. Древнерусский политогенез в германской историографии // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 487–497.

ковского. По мнению рецензента, курс, взятый Игорем Яковлевичем, несет в себе огромные возможности. Желательно, чтобы и другие ученые избрали этот путь или хотя бы обратили более пристальное внимание на труды историка²². Западногерманский русист Д. Верн (Тюбинген), исследуя политические и культурные связи Руси с Западом, отметил важность для историка культуры Древней Руси работ И. Я. Фроянова, «отвергающего расхожие клише» в характеристике социальной и политической структуры древнерусского общества²³. В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. ряд работ Фроянова с соавторами был переведен²⁴.

Наш же мир, к сожалению, как часто бывает на Руси, отреагировал непристойно. На родине ученого была организована атака на историка в ведущих тогда исторических журналах СССР²⁵. Критика была замшелой, и от нее дурно пахло миазмами эпохи культа личности. Складывалась парадоксальная ситуация: западные историки обращали внимание на приверженность Фроянова марксизму, а советские пытались обвинить его в отступлении от «святая святых». Атака, которая превращалась в травлю, распространилась и на следующую книгу по историографии Киевской Руси. Заправляли всем гонитель и душитель ленинградской науки академик Б. А. Рыбаков и поддержавший его член-корреспондент В. Т. Пашуто²⁶. Это было то мрачное время, когда оказался брошен в тюрьму выдающийся историк из Ленинградского государственного университета Л. С. Клейн, когда были спровоцированы процессы против деятелей ленинградской культуры.

Книга об историографии вместе с разделом, написанным Фрояновым для коллективной монографии «Советская историография Киевской Руси»²⁷, по замыслу была неотъемлемой частью «трилогии»²⁸. Она должна была многое уточнить и развить из того, о чем шла речь в других публикациях. К сожалению, из-за происков тех же душителей науки в академических мантиях книга «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» увидела свет совсем в других условиях²⁹. Но концепция уже была, уже жила своей полнокровной жизнью. Она была оригинальна,

²² Kaiser D. Review: Froianov I. Ia. *Kievskaja Rus'. Očerki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, 1980 // *Kritika. A Review of Current Soviet Books on Russian History*. Cambridge, 1976. Spring. Vol. XII (2). P. 70–72. См. также: Halperin Ch. Review: Froianov I. Ia. *Kievskaja Rus'. Očerki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, 1980 // *American Historical Review*. 1981. June. Vol. 86, no. 3. P. 622–623.

²³ Wörn D. Die politischen und kulturellen Beziehungen Russlands zum Westen im ausgehenden 12. und beginnenden 13. Jahrhunderten und ihre Bedeutung für die Kulturentwicklung des vormongolischen Russlands // *Slavistische Studien zum IX. Intern. Slavistenkongress in Kiev*. Köln, 1983. S. 635–636.

²⁴ Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Iu., Krivosheev Iu. V.: 1) *The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions* // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1990. No. 29 (3). P. 12–24; 2) *The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions* // *Russian Traditional Culture: Religion, Gender and Customary Law*. Georgetown University, 2016. P. 3–15; Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Iu. *The City-State in Kievan Rus' (Eleventh — Twelfth Centuries)* // *Reinterpreting Russian History. Readings 860–1860s*. New York; Oxford, 1994. P. 30–37.

²⁵ Пашуто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // *Вопросы истории*. 1982. № 9. С. 174–178; Лимонов Ю. А. Об одном опыте освещения истории Киевской Руси. Летописи и «исторические построения» в книге Фроянова // *История СССР*. 1982. № 5. С. 173–178; Свердлов М. Б., Щанов Я. Н. Последствия неверного подхода к важной теме // Там же. С. 178–186.

²⁶ Брачев В. С. Русский историк И. Я. Фроянов. Жизнь и творчество. СПб., 2016. С. 105.

²⁷ Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В. В. Мавродин, 1978; см. также: Фроянов И. Я. Актовый материал // Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979. С. 48–56.

²⁸ Полностью всю «трилогию» см.: Фроянов И. Я. *Начала русской истории*. Избранное. М., 2001.

²⁹ Фроянов И. Я. *Киевская Русь. Очерки отечественной историографии*. Л., 1990.

хотя базировалась на всем богатстве историографического наследия. Автор был знатоком источников, прекрасно владевшим тем, что можно назвать методикой «древников». Он сам являлся таким уникальным «древником» (речь идет о специфике источниковой основы для изучения эпохи восточнославянской древности и Средневековья).

Массового материала здесь нет, значение имеет каждый намек и даже полунамек, который можно обнаружить в памятнике. И в этом смысле Фроянов всегда напоминал мне Эркюля Пуаро. Ученый замечал мельчайшую деталь в источниках, которая могла пролить свет на интересующие его сюжеты. Свой вопросник придумал он и для нашего всего — древнерусских летописей. И этот метод работал, позволяя увидеть на страницах летописей не только любимцев летописцев — древнерусских князей, но и народные массы с их настроениями и устремлениями.

И вот тут самое время заметить, что концепция Фроянова — это органическая часть и яркое проявление петербургской исторической школы. Как будто само providение привело его из далекого «города-креста» (так в переводе с греческого звучит название «Ставрополь») в город на Неве. Здесь он стал продолжателем традиций петербургских историков и историков-юристов. В свое время по совету своего первого учителя В. А. Романовского³⁰ он постигал «ремесло историка» по «Древностям русского права» В. И. Сергеевича. Одним из крупнейших авторитетов всю его научную жизнь был для него А. Е. Пресняков. С самого начала его поддерживали ленинградские историки — представители так называемой ленинградской (аграрной) школы — Ю. Г. Алексеев, А. И. Копанев, Н. Е. Носов, а также А. Маньков, Б. Н. Миронов, В. М. Панеях и др. Можно сказать, что за редкими исключениями (из тех, что подтверждают правила) известное ЛОИИ³¹ было на стороне Фроянова. Его учитель В. В. Мавродин, к которому он всю жизнь хранил самые теплые чувства, тоже никогда не «пел» в одном «хоре» с московскими историками. Наиболее близки идеи Фроянова были творчеству Ю. Г. Алексеева³². Не хочу упрощать картину для советского периода: Греков тоже ведь был во многом представителем петербургской науки, даже своим образованием будучи связан с досоветским бытием нашего университета; но Фроянов оказался гораздо ближе к петербургской школе.

В конечном итоге возможность опереться на эту почву, на родной университет и ставший родным город спасла ученого. Травля не удалась. Более того, при поддержке парткома университета и обкома партии Фроянов стал деканом исторического факультета, каковым и оставался на протяжении 19 лет. Положение его стабилизировалось, и он смог дальше работать над своей концепцией. В 1980-х — первой половине 1990-х гг. она развивалась и совершенствовалась.

Главная идея книги о социально-политическом развитии Руси — о городах-государствах — требовала дальнейшего изучения как в сугубо историческом, так и в сравнительно-историческом плане. Из сотрудников факультета возник кол-

³⁰ Через него на Фроянова могла повлиять и западнорусская (киевская) школа — ведь В. А. Романовский был ее представителем (Булыгина Т. А. Страницы жизни и творчества В. А. Романовского: вдали от Украины // Харьківський історіографічний збірник. 2014. Вип. 13. С. 134–144).

³¹ ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН.

³² Дворниченко А. Ю., Штыков Н. В. Выдающийся представитель петербургской исторической школы Юрий Георгиевич Алексеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 878–896.

лектив (туда входили русисты, антиковеды и византилисты), который создал коллективную монографию «Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство»³³. Оказалось, что догадки, которые высказывали дореволюционные историки, подтверждаются: русские городские волости (города-государства) имели большое сходство с архаическими древнегреческими полисами, но отличались и от Западной, и от Восточной Римской империи.

Тема была продолжена еще в одной книге. Я к тому времени под руководством Игоря Яковлевича защитил кандидатскую диссертацию, посвященную важному региону Киевской Руси: Полоцкой и Смоленской землям³⁴. Объединив наши усилия, мы создали книгу «Города-государства Древней Руси», посвященную всем древнерусским землям³⁵ и имевшую большое значение для становления новой концепции. Дело в том, что плодотворная (я и сейчас в этом уверен) идея о городах-государствах обрела в ней плоть и кровь. Формирование древнерусских земель в книге прослеживается по географическим районам, при этом материалы по разным землям (волостям) дополняют друг друга. Конечно, у городов-государств были свои региональные особенности, однако они не играют существенной роли на фоне общего для всех общественно-политического устройства. Эпоха Киевской Руси окончательно предстала как время господства городов-государств — систем общинного типа. В начале книги были приведены историографические наблюдения, которые показали приверженность российской дореволюционной науки этим идеям, а также мысли о важной роли этого института в мировой истории. И то и другое только подтверждается новейшими исследованиями³⁶.

Конечно, все это требовало теоретического осмысления. Время же было такое, что надо было как-то «втискивать» Киевскую Русь в ту самую злополучную «пятичленку». Помню, долгое время по пути домой с работы мы обсуждали, что же это был за переходный период (что переходный, уже точно было ясно): то ли последний этап первобытно-общинной формации, то ли начальный феодальной. Ситуация осложнялась еще и тем, что воззрения Фроянова часто смешивали с рассуждениями белорусских историков В. И. Горемыкиной и А. П. Пьянкова о принадлежности этой Руси к рабовладельческой формации. В конечном итоге сошлись на дофеодальном периоде, близком тому, который на материалах западноевропейского Средневековья выделял выдающийся медиевист А. И. Неусыхин.

Однако оставался нерешенным вопрос о государстве, ведь свинцово отпечатались в головах со школьной скамьи эти ленинские: «там и тогда, где и когда». Современному читателю это покажется смешным, он может просто на это махнуть рукой и произвести любые другие уничижительно-презрительные действия. А тогда ночью просыпались и думали: «А если “где и когда” — еще не того», классы не возникли, то ведь и государство “там и тогда” видеть нельзя?» Фроянов, как всегда решительно, взялся за этот вопрос. Тем более что и тут, к счастью, были се-

³³ Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986.

³⁴ Дворниченко А. Ю. Городская община верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV веках. М., 2013. См. также: Дворниченко А. Ю. Городская община и князь в древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 140–146.

³⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

³⁶ Дворниченко А. Ю.: 1) Зеркала и химеры...; 2) Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 6–23.

рзные историографические предпосылки: мысли советских историков, включая учителя Мавродина, о варварских, дофеодальных государствах.

В специальной статье Игорь Яковлевич отталкивается от постулатов советских социальных наук того времени и приходит к выводу, что все три признака государства (территориальный, а не родовой принцип расселения; публичная власть; налоги, которые она взимала) на Руси были. Правда, у него возникает сомнение, можно ли ставить вопрос о государстве как таковом, поскольку государство «соемещалось» с общиной. Но он гонит сомнения прочь: «думается, можно, ибо перед нами не одна община, а ряд соподчиненных общин...»³⁷ В своих уже более самостоятельных размышлениях о русской истории я пришел к выводу, что для времен Киевской Руси говорить о государстве еще рано³⁸.

Как бы там ни было, из теоретических выкладок книги о городах-государствах, ряда содержательных статей родился чудесный труд о «мятежном Новгороде», который в очередной раз стал научным прорывом. Дело в том, что в советской историографии, если говорить в самом общем приближении, на смену явно устаревшей концепции Грекова о революции 1136 г., которая, якобы резко сократив власть князя, привела будто бы к появлению боярской республики, пришла концепция В.Л. Янина. Этот, без сомнения, выдающийся ученый, тоже ушедший из жизни в прошлом году, сменил А.В. Арциховского на почетном посту руководителя Новгородской экспедиции, создав свою версию новгородской истории. С его точки зрения, уникальность новгородской истории обусловлена ролью бояр, поселок которых лежит у истоков Новгорода. Эти бояре явились сначала носителями «корпоративной» верховной феодальной собственности, затем обладателями вотчин. Это они заправляли всем в Новгороде на протяжении всей его самостоятельной истории, создавая в этой стороне нетерпимую обстановку постоянной классовой борьбы с простым человеком. События 1136 г. знаменовали победу боярства над княжеской властью.

Ленинградцы, конечно, не могли смириться с таким подходом к славной новгородской истории³⁹. Наиболее полную версию новгородской истории именно в духе петербургской исторической школы⁴⁰ и дал Фроянов в книге «Мятежный Новгород», увлекательно описав становление города-государства в борьбе с киевской гегемонией. Новгородская земля ничем не отличалась от других земель, а события 1136–1137 гг. знаменовали важнейший этап на этом пути и привели не к ослаблению, а к усилению князей, ставших теперь олицетворением республиканского ор-

³⁷ Фроянов И. Я.: 1) К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 91–92; 2) Мятежный Новгород. Очерки истории, государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XII столетия. СПб., 1992. — Позже Фроянов утверждал, что Древнюю Русь государством считать нельзя, поскольку от Балтики до Северного Причерноморья существовало около 15 государственных образований (Фроянов И. Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. СПб., 2008. С. 448).

³⁸ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 171–173; и др.

³⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 242–274; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства...

⁴⁰ Близки этой версии и взгляды новгородских историков, которых возглавлял В. Ф. Андреев. См.: Кузьмина О. В. Республика Святой Софии. М., 2008.

гана власти⁴¹. В книге масса и других детальных наблюдений, например о пресловутом норманнском перевороте — призвании той самой варяжской троицы, которая вот уже столько столетий будоражит всех интересующихся русской историей⁴².

И главное, с моей точки зрения, то, что, в общем-то не отказываясь от идеи о древнерусском государстве, Фроянов вбил крепкий гвоздь в гроб концепции о «государстве IX–X вв.». «Как ни жаль расставаться с мыслью о Древнерусском государстве, объединявшем в конце IX в. Северную и Южную Русь, все-таки придется это сделать...» Ученый полагает, что в лучшем случае можно вести речь об установлении союзнических отношений между северными племенами во главе со словенами и Русской землей, возглавляемой полянами⁴³.

Так росла, подобно волшебному кристаллу, эта концепция, сверкая все новыми и новыми своими гранями. В этом процессе принимали участие и другие историки, которых Фроянов в пору гонений со стороны академического бомонда призвал под свои знамена. Родилась и стала активно развиваться школа Фроянова⁴⁴. К автору этих строк присоединились Ю. В. Кривошеев, А. В. Петров, В. В. Пузанов, А. В. Майоров, С. И. Маловичко и др. Появились уже ученики учеников и региональные ответвления школы Фроянова.

Обогащалась концепция, рождались новые идеи у ее создателя, постоянно расширявшего свой кругозор. Помню, как удивлял он меня чтением книг (старых и новых) из самых разных областей знания: философии, востоковедения, психологии, а уж об этнографии и говорить не приходится. С подобным я столкнулся впоследствии, изучая жизнь и творчество Г. В. Вернадского. Тот тоже постоянно читал. Широкий кругозор позволил Игорю Яковлевичу обратиться (если попытаться по-советски определить) к надстройке над надстройкой, то есть к таким деликатным сферам, как общественное сознание, историческая психология, культура.

В поле зрения оказалось христианство и его принятие на Руси. Актуальности темы способствовало и то, что в стране праздновали, правда своеобразно, тысячелетие Крещения Руси: шел 1988 г. Историк в ту пору достаточно трезво относился к вере (при этом гонителем православия он никогда не был). Вот почему, по моему убеждению, в работах той поры (а в написании брошюр и статей принимали участие Ю. В. Кривошеев и я)⁴⁵ дана совершенно адекватная картина. Для того чтобы принять христианство, древнерусское общество еще не созрело, происходило же это сквозь призму языческих, крайне архаичных традиций, по сути дела, в виде очередного этапа языческой политики князя Владимира. Сам великий князь, как и некоторые другие силы в полянской общине, своими религиозными реформами старался сохранить распадающийся суперсоюз племен⁴⁶.

⁴¹ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 206–207.

⁴² Этой теме посвящена и отдельная статья: Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3–15.

⁴³ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. С. 125.

⁴⁴ О школе Фроянова см.: Брачев В. С. Русский историк И. Я. Фроянов... С. 176–231; Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры...

⁴⁵ Фроянов И. Я. Об историческом значении «крещения Руси» // Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 763–788; Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Iu., Krivosheev Iu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions // Soviet Anthropology and Archeology. 1990. No. 29 (3). P. 12–24; и др.

⁴⁶ Правда, как мне теперь видится, крещение связано не с попытками остановить распад суперсоюза племен, а с особенностями древнерусского вожества (см.: Дворниченко А. Ю. Россий-

Еще не укорененное в древнерусском социуме христианство вплоть до начала монгольского периода лишь скользило по поверхности этого общества, если можно так сказать, и уж никак не было результатом феодализации этого самого общества, как мыслили тогда советские ученые. В работах тех лет Фроянов даже считал, что крещение не было прогрессивным событием, так как вводилось для сохранения старых родоплеменных порядков⁴⁷. На фоне бравурно звучащих славословий в духе академика Б.В.Раушенбаха такой подход выглядел вызывающе. Впрочем в дальнейшем Игорь Яковлевич старался несколько смягчить те, быть может, резкие высказывания 1980-х⁴⁸.

Эта архаика, которая противостояла модернизации древней истории, была столь увлекательна, что мы — ученики Фроянова — вместе с друзьями и коллегами-философами даже создали общество «Новая архаика». Нам очень хотелось проникнуть в архаическое сознание Руси⁴⁹. Но речь не о нем, а о тех возможностях и перспективах, которые открывала новая концепция древнерусской истории. Можно было по-новому взглянуть и на судьбы государственной собственности в Древней Руси, и на появление письменности, и на влияние географической среды, и на многое другое. Все это мы старались воплотить в статьях и лекционных курсах, которые нам поручались.

Менялась на волне начавшейся перестройки ситуация в науке. Порой в научные издания и СМИ время от времени прорывалась нелепая и несправедливая критика, но в 1985 г. в журнале «Вопросы истории» по проблеме генезиса феодализма началась дискуссия, к которой были даже допущены ученики Фроянова⁵⁰. Однако последняя дискуссия уходящей эпохи оказалась амбивалентной и вялотекущей⁵¹, атмосфера ее была такой, что сам основатель школы не принял в ней участия. Зато в это время он увлекся еще одним пластом архаического сознания: былинным творчеством. Уже в первой половине 1980-х в научном журнале вышла программная статья, которая принадлежала перу Фроянова и его друга со времен учебы в аспирантуре филолога Ю.И.Юдина.

Судьба филолога сложилась не менее драматично, чем его друга-историка. Юрий Иванович был учеником знаменитого лингвиста-структуралиста, специалиста в области русского эпоса и фольклора, профессора ЛГУ В.Я.Проппа. Еще в студенческие годы «попав на заметку» КГБ, он не смог остаться в Ленинграде и трудился в Педагогическом институте Курска. Через много лет два друга — филолог и историк — объединились и поняли, что вместе они могут одолеть тот самый

ская история... С.113). Игорю Яковлевичу идея вожества пришлось не по вкусу (*Брачев В.С. Русский историк И. Я. Фроянов...*)

⁴⁷ Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 784.

⁴⁸ См.: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 20–27. И то же самое: Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М., 2007. — Полагаю, что это результат изменения не научной концепции, а политических взглядов. Хотя, как теперь видно, изменение политических взглядов не могло не влиять и на концепцию.

⁴⁹ Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 20–29.

⁵⁰ Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73; Кривошеев Ю. В. Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений в Северо-Восточной Руси XI — начала XIII века // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 49–63.

⁵¹ Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. Sapporo, 1989. P. 111–147.

заветный былинный горяч-камень, совершив переворот в науке. В 1960-х гг. боролись две точки зрения: Б. А. Рыбакова и В. Я. Проппа. Грозный глава академического Олимпа касательно былин во многом развивал воззрения дореволюционной исторической школы, еще больше утрировав и гиперболизирував их наблюдения и выводы.

Исследование былин у Рыбакова и его сторонников сводилось к выявлению тех исторических персонажей и сюжетов, известных по письменным источникам, которые можно было связать с былинными героями. Например, летописный Александр — «попов сын» — вполне мог трансформироваться во всем известного Алешу Поповича. Ленинградский адепт структурализма, наоборот, считал, что былинное сознание порой причудливо отражает народное представление об истории; но, будучи зависим от теории Грекова о развитом феодализме и феодальном государстве в Киевской Руси, Пропп основным конфликтом былин эпохи Киевской Руси считал столкновение идеалов киевского государства с идеологией родового строя⁵². Между тем несоответствие между былинами и развитым государством (каковым представлялась Киевская Русь) настолько бросалось в глаза, что Д. С. Лихачёв избрал некое эпическое былинное время, плохо соотносимое с эпохой Киевской Руси⁵³.

Творческий тандем Юдина и Фроянова оказался очень результативным. К сожалению, смерть филолога помешала им завершить труд. В 1997 г. И. Я. Фроянов издал результаты совместной работы⁵⁴. Новаторство методологии заключалось в том, что авторы основывались на новой парадигме общества Киевской Руси, нашедшей отражение в трудах И. Я. Фроянова и его школы, формировавшейся в то время. Ученые придерживаются широкой хронологии времени создания былин: начиная с эпохи, предшествующей собственно Киевской Руси, и заканчивая послемонгольским периодом.

Новый подход позволил с большей основательностью найти в былинах реалии родового общества, в частности тот же обряд инициации, межплеменные связи в матримониальных целях и межплеменную борьбу, мужские союзы, конфликты, вызванные сменой охотничьего быта земледельческим, архаичные престижные пиры и дарения⁵⁵. Ряд былинных сюжетов исследователи связывают с реалиями дофеодального периода — Киевской Русью. Это образ Русской земли, распад родовых связей и приход им на смену территориальных отношений, военная организация Руси (вои), изменения в характере княжеской власти, волостной строй Руси⁵⁶. Сам жанр былинного творчества приводит к тому, что образы оказываются многоликими, а сюжеты — многослойными. Так, в образе Вольги соединены древний охотничий уклад и княжеская верхушка X в.⁵⁷ Картину развития дружины на разных стадиях ее существования можно увидеть в былинах о молодости Чурилы⁵⁸ и т. д. Эта линия изучения былин продолжена в трудах нескольких поколений учеников

⁵² Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 32.

⁵³ Лихачёв Д. С. «Эпическое время» русских былин // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 55–63.

⁵⁴ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997.

⁵⁵ Там же. С. 24, 75, 91, 125, 233, 247, 262.

⁵⁶ Там же. С. 231, 241, 259, 267.

⁵⁷ Там же. С. 255.

⁵⁸ Там же. С. 434.

Фроянова, но, конечно, заменить тот тандем в сфере изучения былин вряд ли уже кто-то сможет.

Буквально вжившись в архаическое сознание, Фроянов решил приложить свои знания и навыки к святой святых советской исторической науки: классовой борьбе. Так появилась книга, которую можно считать кульминацией всего этого эпического «исторического блокбастера». Впрочем, основы представлений о социальной борьбе закладывались уже в 1970-х гг., когда вышла статья, в которой дофеодальные социальные отношения объясняли характер социальной борьбы⁵⁹. А в середине 1990-х увидела свет книга, названная Игорем Яковлевичем «Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы»⁶⁰. Она вбирает в себя достижения предыдущих лет, некоторые сюжеты предшествующих работ, но носит самостоятельный характер. Классовой борьбой — псевдонаучной «отмычкой» ко всем памятникам древнерусской истории, будь то Русская Правда, летописи или другие источники на протяжении советского периода, — злоупотребляли все ученые. Кому-то удавалось не впадать в фарс и балансировать на грани здравого смысла, но в целом это был тупиковый путь для науки. Ситуацию надо было исправлять...

Все в этой книге носило особый смысл: и редакторство А. Я. Дегтярева, сыгравшего в жизни Фроянова большую роль, и посвящение памяти А. А. Зимина — культовой фигуре исторического андеграунда и пр. Автор тогда скромно («опыт преодоления отмеченных недостатков») поставил перед собой амбициозные задачи: исправить те самые изъяны, которые он обнаружил в области изучения общественной борьбы. Во-первых, остается неисследованной межплеменная и внутривнутриплеменная борьба восточнославянской эпохи; во-вторых, крайне преувеличены роль и значение классовой борьбы в Древней Руси, что искажает картину; в-третьих, совершенно недостаточно изучена борьба среди рядового «лючества», поскольку внимание обычно обращено на борьбу боярских группировок. И «last but not least», прежде односторонне освещались причины народных движений, не учитывались факторы, находящиеся в сфере политики, культуры, религиозных представлений, нравов и обычаев, всего того, что принято сейчас называть менталитетом⁶¹.

Со всеми этими задачами исследователь справился на «отлично». Он доказал, что социальная борьба в Киевской Руси не носила классового характера, а была реалией первобытной эпохи. Самым древним ее пластом были внутри- и межплеменные конфликты, столкновения людей древности в острые периоды смены хозяйственных укладов.

Разложение родовых отношений и формирование территориальных связей изменили и характер социальной борьбы. Слабнет защита, которую род обеспечивал своим членам, в обществе растут насилие, произвол, преступления. В этих условиях возрастает роль княжеской власти, которая берет на себя заботу о внутреннем мире и безопасности. Но на месте распавшихся племенных союзов возникает характерная для Руси волостная община (земщина), которая также начинает претен-

⁵⁹ Фроянов И. Я. Характер соціальних конфліктів на Русі в X — на початку XII ст. // Український історичний журнал. 1971. № 5. С. 71–79.

⁶⁰ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

⁶¹ Там же. С. 21.

довать на роль гаранта порядка в мире хаоса. Завязывается борьба между князем и вечем. Исследователь показывает эту борьбу на примере ряда земель, и прежде всего Киевской земли, которая шла в этом отношении впереди других волостей.

К середине XII в. состязание князя и веча заканчивается победой земщины, но при очевидном превосходстве городской общины борьба продолжается и дальше. Социальная борьба в это время была достаточно сложным явлением, поскольку в ней переплетались различные настроения и интересы, но над всем доминировало архаическое языческое сознание. Это позволяет давать многим народным движениям неожиданные на первый взгляд — «этнографические» — трактовки.

Автор, представляющий лучшие традиции отечественной науки (здесь уместно назвать имена Ф. И. Буслаева, Б. А. Романова и др.), погружает читателя в глубины этого сознания. Прекрасное знание И. Я. Фрояновым материала, деталей древнерусской жизни создает у читателя своего рода эффект присутствия. Я не случайно сказал об эффекте энциклопедического охвата древнерусской старины: если, например, вычленишь из книги страницы, посвященные древнерусскому праву, то получится отдельное серьезное исследование. Кстати, тонкие наблюдения Фроянова над правовыми памятниками и традициями Киевской Руси перекликаются с блестящей работой американского историка Д. Кайзера⁶², который, как говорилось, приветствовал выход еще первых работ Игоря Яковлевича.

Книга была переиздана уже во втором десятилетии нынешнего века. В целом это добросовестное воспроизведение текста Фроянова, и если не считать кликушествовавшего предисловия издателя — некоего В. В. Бойко-Великого, который обещает в «языческом», вообще-то, труде «выдвинуть на передний план Православие» да заменить название «Византия» на «Ромейское царство»⁶³, то это великолепное по технике исполнения издание книги можно одобрить. Жаль только, что в нем выброшены последние строки «Заключения» Игоря Яковлевича из прежнего издания. Там он, приведя высказывание А. Е. Преснякова об «упадке политического значения городских общин во второй половине XII — начале XIII в.», спорит с ним: «Наше исследование расходится с данным мнением почтенного ученого, показывая политическую мобильность древнерусских городских общин, отраженную многочисленными народными волнениями, перед которыми бессильно никла княжеская власть»⁶⁴. Полагаю, что эти слова очень важны для понимания места и значения творчества Фроянова. С одной стороны, он, как представитель петербургской школы, чувствует себя продолжателем дела именно Преснякова. С другой стороны, будучи выдающимся ученым, он вносит очень серьезные поправки в восприятие древнерусской истории по сравнению с тем же Пресняковым. У него другой, полагаю, гораздо более объективный взгляд на политическую активность в русских землях. На эту активность могла повлиять только такая катастрофа, как монгольское нашествие. И характерно, что в тех регионах, где влияние нашествия не было

⁶² Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. New Jersey, 1980. — Я перевел эту книгу на русский язык и, может быть, скоро она порадует российского читателя.

⁶³ Фроянов И. Я. *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть*. М., 2012. — К сожалению, издатель не ограничился лишь обещаниями: «Ромеи», «Ромейская империя» бросаются в глаза при чтении книги.

⁶⁴ Фроянов И. Я. *Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы...* С. 701. — Это убеждение он высказывает и в последней своей работе: Фроянов И. Я. *Нашествие на русскую историю*. СПб., 2020. С. 720–739.

столь значительным (в русских землях Великого княжества Литовского⁶⁵, Новгороде и Пскове)⁶⁶, эта активность была ключом и в XIV–XV вв. Впрочем, и в землях Северо-Восточной Руси, на которую завоеватели обрушились всей своей тяжестью, политическая активность отступала медленно, упорно держась за паттерны политической жизни Киевской Руси⁶⁷.

С книгой о социальной борьбе теснейшим образом связана работа о рабстве и данничестве у восточных славян в VI–X вв.⁶⁸ Она продолжает изучение, с одной стороны, категорий зависимого населения, а с другой — погружает нас в архаическое сознание, без понимания и учета которого в древнерусской истории ничего не понять. Полагаю, что никто лучше Фроянова не перенес на нашу славянскую почву достижения мировой науки в изучении первобытности. Эпоху протяженностью в пять веков исследователь рассматривает в динамике и развитии, но это диалектика первобытной эпохи со всей ее яркой и по-своему сложной архаической ментальностью. Полностью вразрез с прежней советской русистикой-славистикой Фроянов доказывает, что первобытные войны славян отнюдь не были «стимуляторами классового переустройства». Войны были порождением тотального человеческого страха перед окружающим миром, находившимся за пределами родового и/или племенного круга. Они являлись способом самосохранения архаических обществ, способом освоения внешнего мира и сопровождали людей всю первобытную эпоху⁶⁹. Анализ войн помогает Игорю Яковлевичу понять такие явления, как рабство и данничество.

Никаким «ускорителем социального расслоения» славян не стало и рабство. Наоборот, оно (ох, и удавались Игорю Яковлевичу эти парадоксальные утверждения!), «будучи составным элементом культурных отправлений», тем самым «укрепляло внутренние традиционные связи первобытных обществ». Тем более что древнейшие рабы (челядь) всегда были военнопленными, и даже по мере увеличения их роли в экономической жизни они были фактором, поддерживающим прежний порядок⁷⁰.

Ситуация начинает меняться по мере распада родовых отношений и формирования территориальных связей. Кстати, именно в этой книге Фроянов дает наиболее полную картину, рисующую эту драматическую социальную коллизию. В таких условиях и появляется холоп — раб из своего, местного населения⁷¹. Челядь и холоп отныне будут существовать рука об руку, но с существенными отличиями, поскольку у холопов были элементы дее- и правоспособности⁷².

⁶⁵ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М., 2013.

⁶⁶ Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.

⁶⁷ Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. СПб., 2015.

⁶⁸ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.

⁶⁹ Там же. С. 488.

⁷⁰ Там же. С. 493–494.

⁷¹ Там же. С. 228.

⁷² Там же. С. 257.

С позиций этнологии Фроянов подошел к такому феномену, как дани⁷³. Здесь он также выявил эволюцию. Дани были внешние, устанавливающиеся в сфере отношений славян с иноземцами. В таких даях было заинтересовано все общество от мала до велика⁷⁴, и такая дань вряд ли имела потенциал для того, чтобы перерасти в нечто другое. Были также дани, являвшиеся формами межплеменной эксплуатации. Объединяла эти формы изъятия богатств глубокая архаическая подоснова. Не менее архаичны были и внутрплеменные сборы, в частности полюдь, которое было порождением родоплеменного общества и выполняло ритуально-политические функции, иной раз приобретая сакральное, религиозно-коммуникативное значение. Полюдь X в. насильственно пропитано язычеством, будучи, в сущности, языческим институтом⁷⁵. Верховная феодальная рента тут уж точно ни при чем! Находясь в динамике, теряя под влиянием христианства свои языческие черты, полюдь, сохранив и прежние черты, все больше приближалось к княжескому сбору, напоминавшему налог. Но произошло это только в начале XII в.⁷⁶

На таком архаическом фоне уже не могло уцелеть в научном сознании то самое древнерусское государство: «Так называемое “Киевское государство” X в. являло собой конгломерат племен, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооруженное Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения дани и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться»⁷⁷.

Последнее фундаментальное сочинение ученого, посвященное истории Киевской Руси, вышло недавно. Само название этой книги символизирует глубинную связь с петербургской исторической школой, в частности с А. Е. Пресняковым. Она названа так же, как и первый том замечательных лекций Александра Евгеньевича, читанных им в нашем Петербургском университете в 1908–1909 гг., но изданных московским одесситом Н. Л. Рубинштейном лишь много позже, — «Лекции по русской истории»⁷⁸. Впрочем, тут, видимо, был и элемент юмора, столь присущего Фроянову. Дело в том, что громадный фолиант, включающий в себя почти 1050 страниц большого формата, выглядит рядом с книгой Преснякова эдаким сказочным великаном⁷⁹. Это, собственно, лишь часть курса, который Игорь Яковлевич читал студентам много лет. Том этот — квинтэссенция того, что было сделано ученым и во многом его школой в области изучения Киевской Руси. Все уложено в десять лекций, причем пять из них посвящены общей истории: от традиционных древнейших сведений о славянах до общей характеристики экономического, социального и политического развития, а еще пять лекций анализируют становление и развитие важнейших древнерусских земель: Киевской, Новгородской, Ростово-Суздальской, Смоленской, Полоцкой, Волыни и Галича.

⁷³ Впрочем, Фроянов и в наблюдения этнографов внес много поправок, дискутируя с такими авторитетами, как, например, Л. Е. Куббель и А. И. Першиц.

⁷⁴ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). С. 362.

⁷⁵ Там же. С. 483.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 447.

⁷⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории: в 2 т. Т. I: Киевская Русь. М., 1938.

⁷⁹ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. — Конечно, Игорь Яковлевич никоим образом не хотел принизить достижений Преснякова, да это и невозможно сделать.

References

- Alekseev Yu. G. "Black people" of Novgorod and Pskov (on the question of the social evolution of the ancient Russian urban community). *Istoricheskie zapiski*, 1979, vol. 103, pp. 242–274. (In Russian)
- Alekseev Yu. G., Puzanov V. V. Problems of the history of Medieval Russia in the works of I. Ia. Froianov. *Issledovaniia po russkoi istorii i kul'ture. Sb. st. k 70-letiiu prof. I. Ia. Froianova*. Moscow, Parad Publ., 2006, pp. 3–23. (In Russian)
- Alekseev Yu. G., Vorob'ev V. M., Dvornichenko A. Iu., Degtiarev A. Ia., Panchenko A. M. Igor Iakovlevich Froianov. Pages of the life and work of a Russian scientist. *Srednevekovaiia i novaia Rossiia. Sb. nauch. st. k 60-letiiu prof. I. Ia. Froianova*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 5–26. (In Russian)
- Brachev V. S. *Russian historian I. Ia. Froianov*. Life and art. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2016, 472 p. (In Russian)
- Bulygina T. A. Pages of the life and work of V. A. Romanovskii: away from Ukraine. *Khar'kivs'kii istoriografichnii zbirnik*, 2014, vol. 13, pp. 134–144. (In Russian)
- Butinov I. A., Kudriavtsev M. K., Revunenkova E. V., Froianov I. Ia. Community Organization of the Peoples of Asia and Africa. *Narody Azii i Afriki*, 1977, no. 5, pp. 111–127. (In Russian)
- Cherepnin L. V. Once again about feudalism in Kievan Rus. *Iz istorii ekonomicheskoi i obshchestvennoi zhizni Rossii. Sb. st. k 90-letiiu akad. N. M. Druzhinina*. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 15–22. (In Russian)
- Cherepnin L. V. Review of the doctoral dissertation of I. Ia. Froianov. *Froianov I. Ia. Kievskaiia Rus': Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroia*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, pp. 313–326. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. City community and prince in ancient Smolensk. *Gorod i gosudarstvo v drevnikh obshchestvakh*. Leningrad, Leningrad University Press, 1982, pp. 140–146. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. City-states of Ancient Rus: old truths, "new approaches" and some perspectives of study. *Paleorosiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2018, no. 2 (10), pp. 6–23. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Farewell to the revolution*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 272 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. I. Ia. Froianov — researcher of Kievan Rus. *Russkie drevnosti: k 75-letiiu professora I. Ia. Froianova. Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2011, no. 6, pp. 5–22. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and chimeras. On the emergence of the ancient Russian state*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017, 560 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Old Russian Politogenesis in German Historiography. *Bylye gody*, 2014, no. 34 (4), pp. 487–497. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russian historian Georgy Vernadsky. Traveling in a world of people, ideas and events*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Russian history from ancient times to the fall of autocracy. Moscow, Ves' mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (before the beginning of the XVI century). Essays on the history of the community, estates and statehood*. Moscow, Argamak-Media Publ., 2013, 240 pp. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The city in the public consciousness of Ancient Russia IX–XII centuries. *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy ideologii i kul'tury*. Leningrad, Leningrad University Press, 1987, pp. 20–29. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The Evolution of urban communities and the origin of feudalism in Rus. *Voprosy istorii*, 1988, no. 1, pp. 58–73. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. The place of the Kievan Rus in history. *Vestnik of Saint Petersburg university. History*, 2016, no. 4, pp. 5–16.
- Dvornichenko A. Yu. Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2015, no. 2 (18), pp. 152–160. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Urban community of medieval Russia (to the problem statement). *Istoricheskaia etnografiia. Problemy arkheologii i etnografii. Mezhvuzovskii sbornik*. Leningrad, Leningrad University Press, 1985, iss. III, pp. 117–124. (In Russian)

- Dvornichenko A. Yu. *Urban community of the Upper Dnieper and Podvina in the XI–XV centuries*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013, 232 pp. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. Science in exile russian historiography in the 1920s and early 1930s. *Rossiiskaia istoriia*, 1994, no. 3, pp. 143–158. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Shtykov N. V. Outstanding representative of the St. Petersburg historical school Yuri Georgievich Alekseev. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 4, pp. 878–896. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Act material. *Sovetskoi istochnikovedenie Kievskoi Rusi. Istoriograficheskie ocherki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 48–56. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Ancient Russia IX–XIII centuries. Popular movements. Princely and Vechevaya Power: A Study Guide*. Moscow, Russkii Izdatel'skii Tsentr Publ., 2012, 1088 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Ancient Russia. Research experience in the history of social and political struggle*. Moscow, St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1995, 703 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Dependent people of Ancient Russia (servants, servants, tributaries, smerds)*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010, 336 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. Historical realities in the chronicle legend about the vocation of the Varangians. *Voprosy istorii*, 1991, no. 6, pp. 3–15. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Invasion of Russian history*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2020, 1088 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Kievan Rus. Essays on socio-economic history*. Leningrad, Leningrad University Press, 1974, 160 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Kievan Rus: The main features of the socio-economic system*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 372 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, Leningrad University Press, 1980, 256 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Lectures on Russian history. Kievan Rus*. St. Petersburg, Russkaia Kolleksiia Publ., 2015, 1048 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. On the historical significance of the “baptism of Rus”. *Froianov I. Ia. Nachala russkoi istorii. Izbrannoe*. Moscow, Parad Publ., 2001, pp. 763–788. (In Russian)
- Froianov I. Ia. On the history of the origin of the Russian state. *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia*. Leningrad, Leningrad University Press, 1991, pp. 91–92. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Prayer for Russia. Publicism of different years*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2008, 840 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Rebellious Novgorod. Essays on history, statehood, social and political struggle at the end of IX — beginning of the XII century*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1992, 280 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Slavery and tributary among the Eastern Slavs (VI–X centuries)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, 512 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *The beginning of Christianity in Russia*. Izhevsk, Udmurtskii Universitet Press, 2003, 111 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *The beginnings of Russian history. Favorites*. Moscow, Parad Publ., 2001, 976 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. The character of social conflicts in Rus in the X — early XII century. *Ukrains'kii istorichnyi zhurnal*, 1971, no. 5, pp. 71–79. (In Ukrainian)
- Froianov I. Ia. *The riddle of the baptism of Russia*. Moscow, Algoritm Publ., 2007, 332 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu. *City-states of Ancient Rus*. Leningrad, Leningrad University Press, 1988, 269 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu. The City-State in Kievan Rus' (Eleventh — Twelfth Centuries). *Reinterpreting Russian History. Readings 860–1860s*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1994, pp. 30–37.
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions. *Soviet Anthropology and Archeology*, 1990, no. 29 (3), pp. 12–24.
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions. *Russian Traditional Culture: Religion, Gender and Customary Law*. Georgetown University, Taylor and Francis Publ., 2016, pp. 3–15.

- Froianov I. Ia., Iudin Yu. I. *Epic history (Works of different years)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1997, 592 p. (In Russian)
- Halperin Ch. Review: Froianov I. Ia. *Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, 1980. *American Historical Review*, 1981, vol. 86, no. 3, pp. 622–623.
- Kaiser D. H. Review: Froianov I. Ia. *Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, 1980. *Kritika. A Review of Current Soviet Books on Russian History*, vol. XII (2). Cambridge, [s. n.], 1976, pp. 70–72.
- Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. New Jersey, Princeton University Press, 1980, 322 p.
- Kliuchevskii V. O. K. N. Bestuzhev-Ryumin. *Kliuchevskii V. O. Sochineniia v 9 t. Vol. VII, Spetsial'nye kursy*. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 352–370. (In Russian)
- Krivosheev Yu. V. *Russia and Mongols. Research on the history of North-Eastern Russia XII–XIII centuries*. St. Petersburg, Akademiia Issledovaniia Kul'tury Publ., 2015, 452 p. (In Russian)
- Krivosheev Yu. V. Social struggle and the problem of the genesis of feudal relations in North-Eastern Russia XI — early XIII century. *Voprosy istorii*, 1988, no. 8, pp. 49–63. (In Russian)
- Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography. *Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika*. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University Press, 1989, pp. 111–147.
- Kuz'mina O. V. *Republic of Hagia Sophia*. Moscow, Veche Publ., 2008, 448 p. (In Russian)
- Limonov Yu. A. About one experience of covering the history of Kievan Rus. Chronicles and “historical constructions” in the book of Froianov. *Istoriia SSSR*, 1982, no. 5, pp. 173–178. (In Russian)
- Likhachev D. S. “Epic time” of Russian epics. *Akademiku B. D. Grekovu ko dniu semidesiatiletiia*. Moscow, AN SSSR Press, 1952, pp. 55–63. (In Russian)
- Pashuto V. T. Regarding the book by I. Ia. Froianov “Kievan Rus. Essays on socio-political history”. *Voprosy istorii*, 1982, no. 9, pp. 174–178. (In Russian)
- Petrov A. V. *From paganism to holy Russia. Novgorod strife. To the study of the Old Russian veche way*. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2003, 352 p. (In Russian)
- Presniakov A. E. *Lectures on Russian history. Vol. I. Kievskaiia Rus'*. Moscow, Sotsegiz Publ., 1938, 282 p. (In Russian)
- Presniakov A. E. *Princely law in Ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus.* Moscow, Nauka Publ., 1993, 642 p. (In Russian)
- Propp V. Ia. *Russian heroic epic*. Moscow, Nauka Publ., 1958, 603 p. (In Russian)
- Puzanov V. V. *Princely and state economy in Russia X–XII centuries. in the domestic historiography of XVIII — the beginning of the XX century*. Izhevsk, Izd-vo Udmurtskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 1995, 194 p. (In Russian)
- Puzanov V. V. The beginning of a long journey. *Froianov I. Ia. Zavisimye liudi Drevnei Rusi (cheliad', kholopy, danniki, smerdy)*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2010, pp. 311–314. (In Russian)
- Puzanov V. V. The phenomenon of I. Ia. Froianov and Russian historical science. *Froianov I. Ia. Zagadka kreshcheniia Rusi*. Moscow, Algoritm Publ., 2007, pp. 5–36. (In Russian)
- Puzanov V. V., Khaliavin N. V. “To rejoice in the success of another, rejoice in the joy of another...” — features of the historiographic research of I. Ia. Froianov. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. istoriia i filologiya*, 2016, vol. 26, iss. 4, pp. 8–22. (In Russian)
- Soldatov V. N. The historical concept of I. Ia. Froianov — the problem of determining and characterizing structural elements. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriia*, 2011, no. 23 (238), iss. 47, pp. 81–90. (In Russian)
- Sverdlov M. B., Shchapov Ia. N. Consequences of the wrong approach to an important topic. *Istoriia SSSR*, 1982, no. 5, pp. 178–186. (In Russian)
- Wörn D. Die politischen und kulturellen Beziehungen Russlands zum Westen im ausgehenden 12. und beginnenden 13. Jahrhunderten und ihre Bedeutung für die Kulturentwicklung des vormongolischen Russlands. *Slavistische Studien zum IX. Intern. Slavistenkongress in Kiev, Köln*, 1983, S. 635–636.

Статья поступила в редакцию 30 января 2021 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: January 30, 2021

Accepted: March 12, 2021